

На правах рукописи

Диакон Петр ШИТИКОВ

**Н. А. БЕРДЯЕВ КАК ИСТОРИК РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-
ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ**

Специальность: История русской религиозной философии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата богословия

Сергиев Посад
2009

Работа выполнена на кафедре богословских дисциплин Московской духовной академии

Научный руководитель: кандидат философских наук, профессор
Гаврюшин Николай Константинович

Официальные оппоненты: кандидат богословия
Елисеев Сергей Александрович

Защита состоится “3” июня 2009 г. на заседании диссертационного совета в Московской духовной академии по адресу: 141300, Московская обл., г. Сергиев Посад, Лавра, Академия, малый актовй зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МДА.

Автореферат разослан “ 15 ” мая 2009 г.

Ученый секретарь

Общая характеристика работы.

Актуальность исследования. Проблематика русской религиозно-философской мысли рубежа XIX-XX веков во многом созвучна духовным исканиям современного общества. Как и тогда, перед современным россиянином стоит вопрос о культурном оправдании религии. Ответы, найденные лучшими мыслителями «Серебряного века» русской культуры, практически не нуждаются в адаптации. Для значительного пласта духовно ищущей интеллигенции именно работы русских философов стали первой ступенью знакомства с православной традицией. Поэтому религиозное возрождение начала 90-х годов XX века сопровождалось активным освоением наследия запрещенных прежде мыслителей. На современном этапе, когда первоначальный дефицит литературы по данной тематике исчерпан, на первый план выступает проблема корректности новых интерпретаций. Нередко, творчество религиозных философов становится жертвой сомнительных спекуляций на религиозные темы.

Обращение к творчеству Н.А. Бердяева, в этом свете, приобретает новое значение. Участник религиозно-философского ренессанса начала XX века, Бердяев реагировал на каждое движение общественной мысли. В его статьях и заметках нашли отражение важнейшие события духовной жизни России, как в пределах отечества, так и в изгнании, что придает им исключительную ценность, как историческому источнику. Кроме того, нужно отметить степень влияния идеологических оценок Бердяева на мировоззрение нескольких поколений отечественных и западных читателей. Мыслитель был наиболее ярким представителем православной традиции в европейских философских кругах. Зачастую представления о русской религиозной культуре в Европе формировались именно по работам Бердяева. Отчасти такая ситуация была характерна и для послесоветского периода в России. Труды Бердяева для целого поколения русской интеллигенции стали учебниками православия и дореволюционной культуры.

В этой связи встает важный для богословской науки вопрос о соотношении мировоззренческой позиции Н. Бердяева с традиционными формами православной мысли. Осознавая проблемность полноценного богословского анализа учения Н. Бердяева, как и прочих религиозных философов, в силу принципиального различия природы богословия и философии, автор данного исследования все же обозначил те области, в которых наблюдается явное расхождение взглядов философа с основными догматами Церкви. Попытка подобного анализа оправдана пониманием того, что догматическое сознание является определяющим критерием принадлежности к конкретной конфессии. Необходимым условием

существования христианской философии является исповедание ее авторами христианской веры, в то время как Н. Бердяев довольно свободно трактовал догматы Церкви. Важно обозначить, в каких моментах взгляды Бердяева, выходят за границы традиционного православного учения.

Кроме того, историко-философские работы Бердяева отражают главные этапы его философской самоидентификации. Здесь он выступает не как пассивный исследователь, а как деятельный совопросник, ожидающий найти ответ на актуальные для него вопросы. С этой точки зрения, данные работы являются важным материалом для изучения мировоззрения самого философа.

Степень изученности темы. Литература о Бердяеве очень обширна и продолжает постоянно пополняться. Несмотря на это, комплексного анализа его работ, посвященных русской религиозно-философской мысли, до сих пор не предпринималось. Большинство авторов рассматривают отдельные элементы философской системы Бердяева в контексте его биографии, не рассматривая его историко-философские работы, как предмет для самостоятельного изучения.

Значительный вклад в изучение творчества Бердяева внесли западные исследователи. В то время, как в России его имя было запрещено, в Европе был подготовлен целый ряд основательных монографий. Часть из них представляют интеллектуальную биографию философа. Труды современников мыслителя Е. Порре и Д. Лаури заложили основу этого направления. Их работы дополнили переводчик сочинений Бердяева на английский язык Д. Кларк и известный православный автор О. Клеман. Данные работы, представляя несомненную ценность в биографическом отношении, практически не касаются анализа философских воззрений мыслителя.¹

Другая группа исследований относится к аналитическим. М. Спинка, Н. Валлон и Е.Л. Аллен рассматривали философию Бердяева с позиций его учения о свободе. С.К. Кэлиан остановился на эсхатологическом аспекте его мировоззрения. М. Россигнотти и Г. Слэйт посвятили свои работы теме соотношения личности и времени в философии Бердяева. В данных работах также рассматривались этический, социальный, мистический элементы

¹ Porret E. Nikolaj Berdjajew und die christliche Philosophie in Russland. – Heidelberg: F.H. Kerle, 1950; Lowrie D.A. Rebellious prophet. A Life of Nicolai Berdyayev. – New York: Harper & Brothers, 1960; Clarke O.F. Introduction to Berdyayev. – London, Geoffrey Bless, 1950; Clement O. Berdiaev, un philosophe russe en France. – Paris: Desclée de Brouwer, 1991.

учения философа. Однако, никто из названных авторов специально не останавливался на его историко-философских взглядах.²

В ряде работ предпринимались попытки поместить учение Бердяева в интеллектуальный контекст его времени. Немецкий теолог В. Дитрих посвятил 2 и 3 части своего основательного труда выявлению явных и скрытых «партнеров» Бердяева. Кроме того, канадский ученый Д. Вернхам изучал соотношение взглядов Бердяева и Л. Шестова. Упомянутый исследователь О. Клеман уделил немало внимания соотношению учения Бердяева и видных французских мыслителей. Однако, данные авторы лишь выявили общие и разделяющие моменты учения мыслителей на основе философского анализа.³

Интерес для данной темы представляет диссертационное исследование М. Донован «Роль русской религиозной мысли в сочинениях Бердяева», защищенное в 1960 году в Висконсинском университете.⁴

В русскоязычной литературе также нет работ, посвященных комплексному анализу взглядов Бердяева на русскую религиозную мысль. Работы лучших биографических очерков В. Цветкова (Вадимова) и О. Волкогиной, прекрасно описывают жизненный путь философа; перевод исследования французского ученого А. Аржаковского погружает в эпоху его зарубежного творчества; труды П.П. Гайдено, Н.В. Мотрошиловой, Р. Редлиха, М.В. Силантьевой, А.А. Ермичева, О.В. Вишняковой, Ю.Ю. Черного и др. внесли огромный вклад в изучение отдельных аспектов учения Бердяева. Но авторы этих исследований обращали внимание на историко-философские работы Н.А. только в контексте общего биографически-философского анализа.⁵

² Spinka M. *Nicolas Berdyaev: Captive of Freedom.* – Philadelphia: The Westminster press, 1950; Vallon M.A. *An apostle of freedom: Life and teachings of Nicolas Berdyaev.* – New York: Philosophical Library, 1960; Allen E.I. *Freedom in God: A guide to the thought of Nicholas Berdyaev.* – New York: Philosophical Library, 1951; Callian *The significance of eschatology in philosophy of Berdyaev.* – Brill, Leiden., 1965; Rossignotti M. *Persona e tempo in Berdjaev.* – Bologna: Edizioni Studio Domenicano, 1993; Slaatte H.A *Time, existence, and destiny: Nicholas Berdyaev's philosophy of time.* – New York: Peter Lang, 1988.

³ Dietrich, W. *Nikolai Berdjajew: Sein Denken im Prozen; der Diskurs mit den Partnern seiner Philosophie.* Lit, Hamburg, 2001; Wernham J.C. *Two Russian thinkers: An essay in Berdyaev and Shestov.* – Toronto, 1968.

⁴ Donovan M. *The Role of Russian Religious Thought in the Writings of Nicolas Aleksandrovich Berdiaev, 1874-1948.* – Madison: University of Wisconsin, 1960.

⁵ Вадимов А.В. *Жизнь Н. Бердяева.* – Беркли, 1993; Волкогинова О.Д. *Интеллектуальная биография Н. Бердяева.* – М.: Изд-во МГУ, 2001; Аржаковский А. А *Журнал «Путь» (1925-1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции.* – Киев: Феникс, 2000; Гайдено П.П. *Владимир Соловьев и философия Серебряного века.* – М: Прогресс – Традиция., 2001; Мотрошилова Н.В. *Мыслители России и философия Запада: В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов.* – М.: Республика, 2006; Редлих Р.Н. *Философия духа Н.А.Бердяева.* – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1972; Силантьева М.В. *Экзистенциальные проблемы этики творчества Н.Бердяева.* – М.: Моск. гос. ин-т радиотехники, электроники и автоматики (техн. ун-т), 2002; Ермичев А.А. *Три свободы Николая Бердяева.* – М.: Знание,1990; Вишнякова О. В. *Этика Бердяева.* – М.: Гардарики, 2000; Черный Ю.Ю. *Философия пола и любви Н.А. Бердяева.* – М.: Наука, 2004.

Следует выделить работы, в которых все же предпринимаются отдельные попытки анализа взглядов Бердяева на русскую религиозно-философскую мысль. Наибольшую ценность представляет исследование известного специалиста в области русской философии Н. Полторацкого «Бердяев и Россия». Несмотря на довольно критический тон автора, данная работа является наиболее полезной для целей данного исследования. Важной является работа С. Титаренко. Посвященная изучению специфики религиозно-философской позиции Бердяева, работа отражает наиболее важные аспекты его рецепции религиозно—философского наследия русских мыслителей. В публикациях А. Гулыги и В. Полякова важен подход к изучению русской идеи Бердяева, как к основе его историко-философской позиции. Для характеристики общих историсофских взглядов мыслителя важна работа Новиковой Л.И. и Сиземской И.Н. Следует упомянуть статью Б.В. Емельянова в предисловии к первой публикации историко-философских работ Бердяева в России. Представляя собой краткий конспект известной статьи мыслителя, данная работа впервые познакомила русского читателя с данным направлением его интересов. К подобным обзорам следует отнести энциклопедическую статью «Бердяев» А. Казаряна, в которой автор предлагает сжатый анализ взглядов мыслителя на судьбы Русской идеи.⁶

Особо нужно сказать о нескольких публикациях, в которых анализируется отношение Бердяева к отдельным представителям русской мысли. В основательной монографии И.И. Евлампиева по истории русской метафизики в главе посвященной Ф.М. Достоевскому, значительное место уделено интерпретации этого мыслителя Бердяевым. В сборнике, посвященном двухсотлетию А. Хомякова, помещены статьи Е. Ф. Ванюшиной и М.В. Силантьевой, в которых анализируется бердяевская рецепция философского наследия главы славянофилов. Важной представляется статья В. Сербиненко «Н. Бердяев и софиология», в которой автор предлагает анализ отношения мыслителя к данному явлению русской мысли.⁷

⁶ Полторацкий Н.П. Бердяев и Россия. Философия истории России у Н.А.Бердяева. Нью-Йорк, 1967; Титаренко С.А. Специфика религиозной философии Н.А. Бердяева. – Ростов-на-Дону, 2006; Гулыга А. Русская идея и ее творцы. – М.: Соратник, 1995; Поляков Л. В. Логика Русской идеи. // Общественные науки и современность. 1992, № 5; Новикова Л.И. Сиземская И.Н. Русская философия истории: Курс лекций. — М.: Аспект Пресс, 1999; Емельянов Б.В. Любутин К.Н. Русская философия на путях самопознания: страницы истории. // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991.

⁷ Ванюшина Е.Ф.Бердяевская рецепция философского наследия А.С. Хомякова. Силантьева М.В.). // Хомяков А.С. – поэт, мыслитель, публицист. М.: Языки славянских культур., 2007., 683-692; Философия свободы русской неопатристики (Н. Бердяев и А. Хомяков). // Хомяков А.С. – поэт, мыслитель, публицист. М.: Языки славянских культур., 2007., 693-705; Сербиненко В.В. Н. Бердяев и софиология. // Историко-философский ежегодник'2001. – М.: Наука, 2003.

Среди множества отечественных диссертационных исследований, посвященных различным аспектам учения Н. Бердяева, лишь немногие могут быть косвенно соотнесены с темой данной работы. В докторской диссертации Б.И. Буйло «Судьба России в культурно-исторической концепции Н. Бердяева» основное внимание уделено проблеме осмысления России, как целостного явления. Автор основательно рассматривает идейные истоки и историософских взглядов Бердяева. В диссертации Гребешева И.В. «Опыт персоналистской философии истории: Н.Бердяев и Г.Федотов» подробно разбираются специфика историко-философских позиций данных мыслителей и их концепции русской идеи. Однако авторы развивают свои исследования, преимущественно в культурологическом ключе, оставляя без внимания религиозно-философский контекст. Отдельно нужно выделить работы, в которых учение Н.Бердяева рассматривается в контексте православной традиции. В диссертации И.В. Евланниковой, такому анализу подвергаются антропологические взгляды мыслителя. В работе И. Попова, защищенной в Санкт-Петербургской Духовной Академии ставится цель богословского анализа философии свободы Н.Бердяева.⁸

Единственной комплексной работой по данной является монография О.Т. Ермишина «Русская историко-философская мысль». Автор указывает, что является пионером в области изучения данного аспекта истории русской философии. «Общий историографический обзор позволяет сделать вывод, что в отечественной историографии нет исследований, которые давали бы всеобъемлющую характеристику историко-философской мысли».⁹ О.Т. предпринял удачную попытку проанализировать основные тенденции в данном направлении, однако небольшой объём работы и широта вопросов, затронутых в ней, сообщают ей характер обзорного введения в проблему. Анализируя историко-философские концепции отдельных мыслителей, автор лишь указывает их главные концепты, не имея возможности вдаваться в подробности.

Объектом исследования выступает творческое наследие Н.А. Бердяева, в контексте которых рассматриваются историко-философские построения мыслителя.

⁸ Буйло Б.И. Судьба России в культурно-исторической концепции Н.А. Бердяева. / Дис. докт. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2003; Гребешев И.В. Опыт персоналистской философии истории: Н. Бердяев и Г. Федотов./ Дис. канд. филос. наук. – М. 2005; Евланникова И.В. Религиозные основания философской интуиции свободы Н. А. Бердяева в контексте православной антропологии: опыт реконструкции. / Дис. канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2004; Попов И. Философия свободы в творчестве Н.А. Бердяева. / Дис. канд. богословия. – Спб., 2004.

⁹ Ермишин О.Т. Русская историко-философская мысль. – М.: Гуманитарий, 2004., С. 10.

Предметом исследования является концепция истории развития русской религиозно-философской мысли, развиваемая Бердяевым в контексте его интерпретации Русской идеи.

Целью исследования является комплексная характеристика историко-философских построений Н. Бердяева на материале русской религиозно философской мысли XIX-XX веков. Для достижения данной цели требуется решение следующих **задач**:

– Проследить основные этапы становления мировоззрения Н. Бердяева.

– Рассмотреть его основные философские интуиции в свете православного богословия

– Раскрыть теоретические основания метафизического толкования процесса истории Бердяевым.

– Выявить и проанализировать элементы историко-философской концепции Бердяева в свете его интерпретации русской идеи.

– Последовательно рассмотреть практическое воплощение теоретических выводов концепции на примере анализа Бердяевым творчества ведущих мыслителей.

Методологическим основанием данного исследования стали общенаучные методы исследования – сравнительный анализ, текстологический анализ, а также базовые принципы историко-философского метода исследования. Существенное место занимает компаративистский подход к рассмотрению проблемы различия и схожести идей Н.А. Бердяева и представителей русской и европейской историко-философской мысли. Компаративистика помогла выявить существенно новые принципы интерпретации Бердяевым путей русской религиозной философии. При разработке темы автор исследования придерживался принципов историзма: взгляды Бердяева рассматривались в определенном историческом и социокультурном контексте. В качестве методологической основы исследования используются труды О.Т. Ермишина, Н. Полторацкого, С.А. Титаренко, отчасти Б.И. Буйло.

Источниковая база исследования. Главными источниками являются труды Н.А. Бердяева, а так же оригинальные тексты исследуемых им авторов. К вторичным источникам относится ряд исследований, в которых рассматриваются вопросы смежные с темой исследования.

Научная новизна исследования обусловлена предметом и целью исследования. Впервые предпринята попытка комплексного исследования историко-философских взглядов Бердяева, на материале русской религиозно-философской мысли. В исследовательской литературе не существует трудов,

специально посвященных данной теме. Впервые показана связь историко-философских взглядов мыслителя с его концепцией русской идеи. Впервые предпринята попытка сопоставления выделенных Бердяевым черт «русской идеи» с характеристиками, данными им наиболее ярким представителям отечественной религиозной философии. Кроме того, произведен сопоставительный анализ основных положений философии Бердяева в свете православного богословия.

Положения, выносимые на защиту:

1. Взгляды Н.А. Бердяева на историю Русской религиозно-философской мысли должны рассматриваться как единая система, логика которой подчинена выработанной им концепции. Работы автора всех периодов, посвященные характеристике отдельных мыслителей, служат своеобразной иллюстрацией к данной концепции, полноценно выраженной в поздней историософской работе «Русская идея».
2. Согласно выработанной концепции, русская религиозная философия представлялась Н. Бердяевым, как выражение наиболее выразительных черт характера русского народа, которые он объединил в понятии Русской идеи. Призвание русской мысли – в достижении религиозного идеала, и русская идея, в этом отношении, является ее истоком и энтелехией.
3. Отдельные религиозные мыслители, к оценке мировоззрения которых обращался Н. Бердяев, в рамках данной концепции получали роль выразителей наиболее характерных черт русской души, являясь практической иллюстрацией к созданной философом теории.
4. Выбор Н. Бердяевым характеристик русской идеи подчинен субъективным интересам. В его интерпретации русская идея приобретает черты, близкие мировоззрению самого автора. На первый план выступает интуиция несотворенной свободы и творческого призвания человека. Проекция данных интуиций на русскую религиозную философию приводит к очевидным искажениям портретов мыслителей в интерпретации Бердяева.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что впервые в исследовательской литературе представлен комплексный анализ взглядов Н. Бердяева на религиозно-философскую мысль России. Работа способствует восполнению пробела в историко-философской науке. Диссертация может послужить основой для дальнейших исследований в области истории отечественной философии.

Результаты данной работы могут быть использованы в преподавательской практике при составлении общих и специальных курсов по истории русской религиозно-философской мысли.

Апробация работы. Результаты исследования были опубликованы в статьях на православном научном портале «Богослов.ру»; и были изложены в докладах на конференциях «Православие третьего тысячелетия» (г. Екатеринбург, ПСТГУ (ЦДО), 18-19 ноября 2006 г.), «VIII научно-практическая конференция студентов и молодых ученых» (г. Екатеринбург, ПСТГУ (ЦДО), 21-22 ноября 2007 г.), «Духовный путь России» (г. Тюмень, ТюмГНГУ, 20 февраля 2009 г.), «Диалог культур и цивилизаций» (г. Тобольск, ТГПИ, 27-28 марта 2009 г.).

Структура работы. Работа состоит из введения трех глав (первая глава – три параграфа, вторая – три параграфа, третья – шесть параграфов), заключения и библиографии (178 пунктов). Объем диссертации 169 страниц.

Содержание работы.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяется степень разработанности проблемы, формулируются цель и задачи исследования, его теоретико-методологическая основа, теоретическое и практическое значение.

Глава первая «Идейные истоки философии Н.А.Бердяева: христианский волюнтаризм» посвящена изучению особенностей мировоззрения Бердяева, оказавших ощутимое влияние на его историко-философские построения.

В *первом параграфе «Специфика авторского стиля Н.А. Бердяева»* автор рассматривает наиболее характерные черты авторского стиля мыслителя. Экзистенциальный тип философствования определил специфику его стиля и «техники» изложения. Чаще всего указывают на афористичность и публицистичность сочинений мыслителя, бездоказательность его аксиом и обилие путаных тавтологий. С одной стороны, это обеспечивало успех Бердяеву, как писателю, с другой – подавало повод критикам подозревать его в недостаточной философской глубине. Сам мыслитель признавал свой стиль вполне оправданным. Афоризм для него есть микрокосм мысли, «в нем, в сжатом виде, присутствует вся моя философия».¹⁰ Нужно отметить, что в творчестве Н.А. афоризмы выполняют скорее функцию аксиом. Мыслитель создал свой собственный философский идеал, несогласие с которым вызывало бурное возмущение с его стороны. В то же время, он не ставил задачи излагать свое учение доказательным путем, но предлагал готовые

¹⁰ Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1990., С. 81.

выводы, как отражение внутреннего опыта. Мыслитель сознательно отказывался от построения системы аргументов, ссылаясь на неспособность к диалектическому мышлению: «Я ничего не могу толком развить и доказать».¹¹ В публицистике философ видел наиболее подходящую форму для выражения пророчества своей философии: «Публицистика в более высоком и глубоком смысле есть секуляризированное пророчество, и ветхозаветные пророки были первыми публицистами».¹²

Мироощущение самого Бердяева следует охарактеризовать именно как пророческое. Он неоднократно заявлял себя провозвестником нового религиозного сознания, носителем религии Духа. Все философские и историко-философские работы его проникнуты пророческим пафосом, что непосредственно отражается на построении фраз и логики произведений. Пророческая харизма проявляется здесь, прежде всего, в крайней субъективности его оценок. В. Сербиненко справедливо отметил, что для Бердяева мыслители прошлого – живые личности и идеи, с которыми он ведет нескончаемый спор-диалог, кочующий из одной его книги в другую. Однако, мыслитель свободно переходит к самовыражению: диалог сменяется монологом. Тогда в портретах слишком явно проступают черты их автора.¹³ В этом контексте становятся понятны причины всех специфических черт публицистики Бердяева. Его нежелание прислушиваться к мнению оппонентов, афористичный, бездоказательный стиль изложения, постоянные повторения обусловлены именно восприятием каждого своего произведения, как живого общения с читателем.

Во *втором параграфе* «**Этапы становления христианского мировоззрения Н. Бердяева**» рассматривается путь духовных исканий мыслителя. Это необходимо для адекватного анализа его историко-философских работ. Поэтапный разбор становления взглядов философа позволяет автору выявить идеологическую подоплеку его отношения к тем или иным явлениям русской духовной культуры. Кроме того, в рамках краткого биографического очерка приводятся основные работы, в которых Н. Бердяев обращался к изысканиям в области истории религиозной мысли. Это позволяет учитывать тот исторический контекст, в котором Бердяевым были созданы отдельные философские портреты.

¹¹ Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1990. С.80.

¹² Бердяев Н.А. Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства. – М.: АСТ-Фолио, 2005, С. 336.

¹³ Сербиненко В.В. Н. Бердяев и софиология. // Историко-философский ежегодник'2001. – М.: Наука, 2003, С. 273.

Учитывая периодизации творческого пути Н. Бердяева, предложенные прот. В. Зеньковским и Н. Полторацким, автор предпочитает в рамках данного исследования выделять два самостоятельных периода: до и после принятия Бердяевым христианского мирозерцания, как основания своей идеологии. Идеологические увлечения раннего Бердяева сменялись достаточно быстро. «Поклонник Маркса в одно время, он пытался объединить его с Кантом в другое; убедившись в тщетности своих попыток, он превратился в настоящего идеалиста... Но и идеализм он объявил таким же царством иллюзионизма, как и материализм, бодро и смело вступил в пределы мистицизма».¹⁴ Обратившись, в результате очередного кризиса, к христианству, Бердяев, по-видимому, нашел свой мировоззренческий идеал, оставшись верен его тематике и терминологии до конца дней. Принятие христианства совпало с определением самостоятельных философских категорий и стало для Бердяева своеобразным рубежом, после которого его мысль развивается концентрически, в рамках определенной проблематики.

Автор обращает внимание на тот факт, что смена идеологических основ не проходила для Бердяева бесследно. С одной стороны, каждое новое увлечение сопровождалось резким отрицанием и критикой предыдущего, с другой – сохранялось косвенное влияние элементов отвергнутых учений. Так, и христианство мыслителя аккумулировало в себе элементы различных идиологем, в результате чего сложилось оригинальное учение Бердяева. В связи с этим, логический акцент в данном параграфе падает на период становления самостоятельной философии мыслителя в рамках христианского мировоззрения.

Третий параграф «Религиозно-философские интуиции Бердяева в свете православного богословия» посвящен богословскому анализу основных положений учения мыслителя.

В первую очередь автором ставится вопрос о возможности подобного анализа. В «Самопознании» Бердяев идентифицирует себя, как вольного философа, что дает повод отдельным исследователям не считать диалектику его религиозных построений богословской. Однако, Бердяев обращается к трактовке вопросов, прямо соотносящихся с догматической сферой. Отдельные темы мыслитель характеризует, как исповедание веры, что означает их коррелятивность богословской проблематике. Кроме того, Бердяев претендует на наличие в своем мировоззрении «христианского эзотеризма», дающего ему определенное превосходство в понимании

¹⁴ Андреев Н. На границе человеческого разума. (Теория «мистического разума» Н.А. Бердяева). // Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900-1906 г.). – М.: Канон+, 2002., С.548.

вопросов религии. Он применяет свои философские прозрения непосредственно в теологических вопросах, что позволяет говорить об его ответственности, как богослова.

Последовательный разбор триадологии, антропологии, эсхатологии, сотериологии Бердяева показал, что во многих пунктах его учение значительно отстает от традиционного православного богословия. Главным, принципиальным отличием бердяевской интерпретации христианства, которое имплицитно включает в себя и остальные разногласия, является допущение в качестве основы философских построений существования добытийственной, меонической свободы. Введенное мыслителем для решения проблемы теодицеи, понятие свободы, со временем, стало определяющим во всех его построениях. П. Гайденко справедливо подытожила установку мировоззрения Бердяева: «Примат свободы над бытием в конце концов означает примат человека не только над миром, но и над Богом».¹⁵

Однако, несмотря на радикальное отступление от основных положений традиционного христианского богословия, Бердяев стремится к сохранению связи именно с православным учением. Терминологически и идейно он православен. Важен и тот факт, что при резких нападках на историческое православие в печати, в жизни философ оставался скромным прихожанином, одним из немногих, сохранивших верность Московскому Патриархату в эмиграции.

Вторая глава «Историко-философская концепция: Русская идея–энтелехия русской мысли» посвящена изучению теоретической концепции, на которой базируются историко-философские наблюдения Н. Бердяева.

В *первом параграфе «Поиски идеалов русской философии»* автор рассматривает основные подходы к изучению истории русской философии. Отбросив условные классификации, можно выделить две основных тенденции в оценке русской философии, исключая друг друга – признание ее своеобразия и даже превосходства над рационалистической мыслью Запада; и отрицание ее самостоятельного значения в целом. Представители первого направления настаивали, что оригинальность и значение русской философии обусловлены ее глубокой связью с основами религиозного мировосприятия. Философии русской присуща коренная религиозность, как результат стремления к познанию Логоса. Случайная для европейцев, религиозность русских «существенна», являясь основой органичной целостности их мысли. Их оппоненты не отрицали значения

¹⁵ Гайденко П.П. Указ. соч. С. 318.

религиозных элементов в культурном образе России. Однако они представлялись им лишь неоформленным проявлением национального характера. Философии же в общеевропейском значении, представители данного направления в России не видели.

Ясно, что спор не мог привести к конкретным результатам, поскольку оппоненты исходили из разного понимания назначения философии. Одни утверждали ценность ее духовного содержания даже в ущерб форме изложения; другие, в сущности, не отрицая этого содержания, отказывались признать ее философский характер, в силу самой ущербности форм.

Очевидна необходимость различать историю профессиональной и дилетантской философии в России, учитывая, что между ними достаточно мало точек соприкосновения. В.В.Розанов справедливо отметил, что в России сложился образ двух антагонистических типов философии: академической и «сектантской»; Философии университетов, обладающей особым языком и категориальным аппаратом, и философии религиозной, тесно связанной с литературой, искания которой приобретают темные и неопределенные очертания. В обеих формах своих философия наша движется без всякого взаимодействия, они почти не знают друг о друге.¹⁶

Во *втором параграфе «Н. Бердяев: цели и задачи философии»* рассматривается идеальный образ философии, как он представлялся мыслителю. Интересы Бердяева были направлены на религиозную, духовную философию. Философию профессиональную и академическую он считал творчески неплодотворной и неспособной ответить на актуальные вопросы жизни. На определенном этапе духовных поисков, Бердяев пришел к осознанию примата религиозных начал в философии. Говорить о философии автономной, независимой от религиозных начал абсурдно. Истинная философия «есть знание, основанное на духовном опыте. Духовный опыт предшествует философии».¹⁷

Религиозная взволнованность философии русской приобретает исключительное значение, сообщая ей сущностное превосходство над рационалистическими системами. Философия, основанная на отвлеченных началах, пуста и бессмысленна. Эта болезнь большинства западных систем, почти не коснулась философии отечественной. Призвание русской мысли – в примирении веры и знания в религиозном опыте. В этом – не только ее своеобразие, но и миссия.

¹⁶ Розанов В.В. Природа и история. Сборник статей. – СПб., 1900, С. 300-301.

¹⁷ Бердяев Н.А. Основы религиозной Философии. // Вестник Русского Христианского Движения. № 192, 2007. С. 170.

Третий параграф «Русская идея – отражение идеала религиозной философии» непосредственно посвящен анализу центральной историко-философской концепции Бердяева. Вслед за Ф.М. Достоевским и Вл. Соловьевым, Бердяев обращался к поискам определения русской идеи. Этот поиск привел его к выявлению основных черт духовного портрета русского народа. Русская идея здесь выступает не в качестве отдельной характеристики, но как основная категория исследования. Бердяев изначально предпочитает метафизический подход к истории эмпирическому. Метаистория для Бердяева единственный способ постижения смысла истории, перед лицом сил объективации. Как категория метафизическая, «русская идея» Бердяева оказывается прорывом имманентной замкнутости мира, «окном в трансцендентное».

Существует соответствие между «русской идеей» и особенностями русской души. Более того, по логике Бердяева, русская идея выступает в качестве истока и энтелехии русской религиозно-философской мысли. Поэтому, выделив ряд характеристик «русской идеи» Бердяев прямо соотносит их с характеристиками русской философии. В статье «О характере русской религиозной мысли XIX века» (1929), философ обозначил центральные вопросы отечественной мысли:

- Идея христианской свободы, как центральная установка русской религиозности;
- Идея соборности, как органическое понимание природы Церкви;
- Пророческий тон эсхатологических ожиданий, как выражение активного апокалиптизма;
- Гуманизм, как вопрос о значении человека, в свете откровения богочеловечества;
- Космологизм, как вопрошание о тайне творения, воплотившееся в исканиях Софии

Выдвинутая на первый план идея христианской свободы, наиболее близкая мировоззрению самого Бердяева, оказала очевидное влияние на целостную картину русской философии. Вся религиозная мысль, в изложении Н.А., приобретает идеологические черты нового религиозного сознания. Здесь свобода расставляет новые акценты, диктует новые интересы. Автор подчиняет историю развития русской мысли логике собственной концепции, создавая, таким образом, ее новый образ, с узнаваемыми чертами самого Бердяева.

Характерно, что в круг интересов Н.А. входят лишь те персоналии, которые гармонично вписываются в его систему. В ней каждому автору

отводится строго определенное место, как выразителю соответствующей черты русской идеи. В результате, Бердяев удалось создать мозаичную картину отечественной религиозно-философской мысли, все элементы которой объединены логикой русской идеи.

Третья глава «Практическое обоснование историко-философской концепции Н.А.Бердяева на примере избранных персоналий» посвящена анализу историко-философских портретов, созданных мыслителем. Русская идея, как идеал и задача философии, была выражена в творчестве таких мыслителей, как А. Хомяков, Ф. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. Федоров, В. Несмелов. В совокупности, учение этих мыслителей, по Бердяеву, составляет целостную картину отечественной религиозной философии, отражая ее высокое призвание. Автору исследования представляется целесообразным проиллюстрировать историко-философские взгляды Бердяева именно на материале, касающемся данных персоналий, наиболее удачно вписывающихся в концепцию мыслителя.

Первый параграф «А.С. Хомяков – идеал соборной свободы» касается бердяевской интерпретации учения великого славянофила. Бердяев, по видимому примыкал к последователям Хомякова, особое значение придавая его учению о свободе в свете еkkлесиологии. Именно тема свободы, как она подана Хомяковым, по мнению Бердяева, вошла в русскую религиозную идею.

Однако, выделив у Хомякова тему свободы, как доминирующую, мыслитель подчинил ей все прочие элементы его учения. Развитие проблемы свободы в онтологическом русле, привели Бердяева к явному расхождению с интерпретацией свободы Хомяковым в категориях соборной еkkлесиологии. Соборность для Хомякова – это понятие, объединяющее все основные характеристики Церкви. Свобода и любовь, как неотъемлемые качества Церкви обретают значение лишь в соборности. В рецепции Бердяева, напротив, “соборность” приобретает ценность лишь в связи со “свободой”.

Свобода в философии Бердяева, со временем, приобрела религиозно-мистическое значение, и Хомяков уже не мог вполне удовлетворить его мистическим исканиям. Бытовой тип религиозности славянофилов, по его мнению, не соответствовал эсхатологическим требованиям, предъявляемым современностью. Отсутствие профетического элемента в еkkлесиологии Хомякова не устраивало Бердяева, и он стремился утвердить своё - космическое - понимание церкви в противовес хомяковскому - сугубо

человеческому. Он утверждал связь таинств Церкви с новым откровением, почин которого всецело принадлежит человеку.¹⁸

Не сомневаясь, Бердяев внес собственные интуиции на почву славянофильской веры и предложил это толкование христианства, как законное развитие идей Хомякова, которого до конца жизни считал своим учителем и отцом.

Второй параграф «Ф.М.Достоевский – идеал свободного человека» посвящен отношению Бердяева к своему главному идейному учителю. Философ претендует на целостное описание мировоззрения Достоевского путем «интуитивного вживания в мир его динамических идей», сознательно избегая схем и строгих определений. Преимущество такого метода исследования состоит именно в некоторой хаотичности и размытости основных тезисов, что как бы воспроизводит неоднозначность и диалектическую противоречивость философского мировоззрения самого Достоевского. С другой стороны такой методологический подход позволяет Бердяеву с известной вольностью относиться к воссоздаваемому мировоззрению. Великие романы служили побуждением к философской активности, поэтому анализируя их, Бердяев невольно возвращается к изложению собственных интуиций.

В концепции истории русской философии Бердяева, Ф.М. Достоевский занимает исключительное положение. Путь Достоевского олицетворяет весь путь русской религиозно-философской мысли. Последовательно рассматривая главные темы русской философии в работах «Истоки и смысл русского коммунизма» и «Русская идея», Н.А. показывает, что все они были актуальны для Достоевского. Ф.М. вобрал в себя всю русскую проблематику. В то же время, при равнозначности и независимости различных элементов русского мировоззрения Достоевского, можно выделить центральный концепт его системы, который играет особую роль в их взаимоотношениях. Бердяев таким элементом называет личность человека. В этом пункте Достоевский более всего близок Бердяеву, философия которого концентрировалась на антропологии. Но в этом пункте происходит и тот методологический надлом, о котором было сказано выше.

Бердяев трактует антропологию Достоевского в категориях свободы, но вкладывает в понятие свободы смыслы, которых не знал писатель. Достоевский у него выступает преимущественно, как провозвестник религии свободного духа. Философ часто повторяет, что в его откровениях о свободе

¹⁸ Бердяев Н.А. Хомяков и свящ. Флоренский.// Типы религиозной мысли в России. – Париж: Умса-press, 1989., С. 578.

есть что-то пророческое, он принимает Достоевского лишь, как соучастника бунтов, апологета небывалой свободы; но когда оказывается, что писатель мыслил свободу в глубоко церковных категориях, ему приходится произвольно выводить за пределы христианства исторического, пытаясь сделать из него глашатая христианства нового.¹⁹

Но Достоевский не исчерпывается темой свободы, хотя и включает ее. Он никогда не ставил вопроса о свободе в онтологическом ракурсе. Внимательное чтение произведений показывает, что в центре его мировоззрения стояла проблема человека и его отношений с Богом. Свобода была скорее ключом к этой проблеме, а не самостоятельной темой. Без любви, без нравственности, без Бога – свобода стирается, превращаясь в своеволие и раскрывая бездны хаоса в душ человека.

Третий параграф «К.Н.Леонтьев – воплощение антиномий русской идеи» посвящен странному для русской среды мыслителю. К. Леонтьев чужд по духу, как Бердяеву, так и всей отечественной культуре, в целом. В то же время, он привлекает внимание мыслителя, посвятившего ему отдельную книгу. Отстраненность от идеологии Леонтьева и стала главным достоинством книги, сообщив ей известную долю беспристрастности. В отличие от современников, Бердяев не стремился оценивать учение «певца палки» Леонтьева, но анализировал его с удивительной тщательностью.

Бердяев приходит к весьма важному заключению о невозможности рассматривать феномен Леонтьева в привычных для русского менталитета категориях. Он приводит целый ряд пунктов, в которых Леонтьев оказывается вне традиции русской мысли.

- Он не был увлечен темой страдающего человечества, русский альтруизм был чужд ему.
- Он был романтиком, захваченным культом любви, столь чуждым русским.
- Он проповедовал мораль силы, невозможную в России.
- Он был вдохновенным Эстетом. Он должен был показаться русскому обществу иностранцем из-за своего острого и воинствующего эстетизма.

Сама религиозность Леонтьева оказывается нерусской по типу. Согласно концепции Бердяева, русским свойственно творческое восприятие религии. Главным началом в религии он признавал любовь и свободу. У Леонтьева же он встречает элемент натуралистический. Страх и послушание преобладают в его религиозном сознании.

¹⁹ Котельников В.А. Блудный сын Достоевского. // Вопросы Философии, 1994, № 2, С. 179-180.

Система русской философии, по Бердяеву, строится на антиномичных началах, а взгляды Леонтьева представляют собой одну из крайних граней этой антиномии, противоположной общему направлению русской идеи. Бердяев с большой проницательностью сумел разглядеть в Леонтьеве не заблуждающегося чужака, а идущего иными путями русского мыслителя. Писатель, по его мнению, выражал обратный полюс тому, на котором формировалась русская идея.

Четвертый параграф «В.И. Несмелов – идеал философской антропологии» посвящен любимому мыслителю Бердяева. Несмотря на попытки увлечь идеями Несмелова своих современников, Бердяев остался одинок в своей симпатии к казанскому профессору. Философ посвятил Несмелову лишь одну отдельную статью, однако, анализ его работ показывает, что с развитием философии Бердяева, несмеловские мотивы принимают все более узнаваемые формы. Если в ранних произведениях Бердяева несут лишь поверхностное восприятие, то поздние труды философа являют вдумчивое воплощение в жизнь главных принципов понимания христианства в антропологическом ключе.

Учение казанского богослова оказалось наиболее ярким впечатлением периода становления христианского мировоззрения Н.А., сопоставимое по значимости только с влиянием Достоевского. В творчестве этих двух мыслителей молодой философ нашел необходимую опору для теоретического оправдания приятия христианства. В то же время, его восприятие религиозных идей Несмелова и Достоевского не было пассивным. Те его интуиции о человеке, которые, по признанию Бердяева, выходят за рамки традиционного церковного учения, нашли здесь христианское оправдание. Для Н.А. Несмелов был учителем православия в большей степени, чем Хомяков, поскольку учение В.И. в большей степени соответствовало его собственным взглядам

Бердяев указывал на высшее достижение философии Несмелова в ее антропоцентризме. Гносеологические, этические и теологические вопросы рассматриваются сквозь призму человека. Именно антропологические прозрения являются огромным вкладом Несмелова в русскую христианскую идею. Он поднимает христианское сознание на высшую ступень, очищая его от примеси грубого язычества, от темных суеверий, от унижительных страхов, искажающих Христову истину. Несмелов научает, что вечная истина христианства тождественна с вечной истиной идеальной и богоподобной человеческой природы. Это новое и вечное христианство. В русскую идею он вошел, как проповедник человеческого начала в философии и богословии.

Пятый параграф «В.С.Соловьев – религия богочеловечества» раскрывает отношение Бердяева к самому известному философу России. Автор указывает, что при очевидной зависимости Бердяева от Соловьева, невозможно однозначно говорить об его ученичестве.

Бердяев, в целом, не отрицал своей зависимости от идей Соловьева и указывал на центральное его место в истории русской философии. В то же время, Н.А. отмечал, что Соловьев был мало понят в русской среде. В мировоззрении философа автор выделял дневную и ночную, явную и скрытую стороны, сетуя, что вторая сторона, которая, собственно, и отражает суть взглядов, остается неизвестной читателю. Сам Бердяев претендует на более глубокое понимание идей философа, с учетом его природной антиномичности мышления. В то же время, он резко критикует многие стороны учения Соловьева.

Главное достижение философа Бердяев видел в постижении богочеловеческой тайны христианства. В этом контексте Соловьев решает все вопросы социального, мистического и богословского плана. В категориях богочеловечества Бердяев трактует и наиболее характерное для Соловьева учение о Софии. Признавая, положительное значение утверждения Соловьева, что София– совершенное идеальное человечество, философ достаточно резко критиковал софиологическую онтологию и антропологию в целом. Для Бердяева София – женское начало, а значит, пассивное. Сам же он ориентирован на мужское, активное.

Критичную настроенность Бердяева нередко пытались объяснить банальным желанием философа приуменьшить степень своей зависимости от них, чтобы подчеркнуть самостоятельность своих философских трудов. Однако, более адекватным представляется объяснение критичного отношения Бердяева субъективностью его подхода к анализу идей Соловьева. Философа не удовлетворяли ответы, которые могли следовать из заданным великим предшественником вопросов. Ощущение диссонанса между потенциальным содержанием идей Соловьева и их реальным воплощением вынуждали Бердяева дистанцироваться от него.

Шестой параграф «Н.Ф.Федоров – выражение эсхатологического идеала» посвящен наиболее таинственному русскому мыслителю. Бердяев указывает, что влияние этого философа на становление его собственных взглядов сопоставимо с влиянием Ф.Достоевского и А. Хомякова, и даже превосходит влияние Вл. Соловьева. Однако, он дистанцируется от тех путей практического воплощения заявленных идеалов, которые предлагал Федоров. В строгом различении между признанием гениальности Н.Федорова и отрицанием его философии содержится основной методологический принцип

Бердяева. Признавая эсхатологическое сознание Федорова самым высоким в истории христианства, он считал его философию совершенно неудовлетворительной и несущей на себе печать натурализма. Благодаря осторожности в анализе Бердяев сумел сохранить баланс между критикой и признанием гениальности, что удавалось не всем авторам, приступавшим к оценке творчества Федорова.

Философия Н.Федорова, несмотря на явно позитивистские и, в некотором отношении, антихристианские формы выражения, содержала элементы, близкие духовным исканиям русских мыслителей. Н. Бердяев справедливо указал на его место в русской идее, как выразителя русского чувства ответственности за всех, переходящего пределы земной жизни.

В **Заключении** подводятся итоги, формулируются основные выводы исследования. Автор отмечает ценность историко-философских работ Н.А. Бердяева. Субъективность его интерпретации русской философии может быть оправдана оригинальным чувством истории. Русская религиозная мысль - явление многоплановое и зачастую противоречивое. Одни видят в ней воплощение идеала христианской философии, другие, напротив, подозревает ее в возрождении принципов гностицизма. Так проявляется коренной антиномизм, лежащий в основе природы русской религиозной мысли. На это со всей очевидностью указал Н.А. Бердяев. В своих работах он дал оценку наиболее важным явлениям русской духовной жизни, объединив их общей идеей.

По теме диссертации опубликованы следующие работы

1. Шитиков П.М., диакон. Историсофия К. Леонтьева в историко-философском дискурсе начала XX века. // Диалог культур и цивилизаций. Материалы X научно-практической конференции молодых историков. (ТГПИ им. Менделеева). – Тобольск, 2009.
2. Шитиков П.М. Пути историко-философской мысли в России. // Материалы VIII научно-практической конференций студентов и молодых ученых (ЦДО ПСТБИ)– Екатеринбург, Издательский отдел Екатеринбургской Епархии, 2007.
3. Шитиков П.М. В.С. Соловьев: антропологическая интерпретация Н.Бердяева // Православие третьего тысячелетия. Материалы VII научно-практической конференции (ЦДО ПСТБИ). – Екатеринбург, 2006.
4. Шитиков П.М., диакон. Христос Легенды или Христос Достоевского? (к вопросу об интерпретации Н.А. Бердяевым мирозерцания Ф.М. Достоевского). // Духовный Путь России. Материалы VII научно-практической конференции (ТюмГНГУ). – Тюмень, 2009.